

DOI 10.24412/1026-8804-2022-1-41-47

УДК 902(519)

Государство Бохай и средневековая Корея

Эрнст Владимирович Шавкунов,
доктор исторических наук, профессор Инсти-
тута истории, археологии и этнографии наро-
дов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

Государство Бохай (698—926) образовано мохэскими племенами. В его состав вошли земли государства Когурё, а также часть когурёского населения. Это способствовало использованию бохайцами материального и культурного потенциала когурёсцев. Попавшие в Бохай когурёские ремесленники обогатили бохайцев многими элементами своей культуры — в земледелии, военном деле, керамическом производстве. Благодаря когурёсцам среди бохайской верхушки быстро распространился буддизм. Косвенным образом Бохай способствовал сохранению на Корейском полуострове независимого государства Силла — Китай пытался завоевать это государство, однако бохайцы в союзе со Вторым Восточно-тюркским каганатом нанесли Китаю ряд поражений. После этого Китай счёл благоразумным иметь Силла союзником в борьбе против Бохая. Это позже способствовало объединению под главенством Силла на полуострове большей части корейского населения. С Силла у Бохая были развиты взаимовыгодные торговые отношения. В письменных источниках сохранились сведения о существовании в Бохае специальной «Дороги в Силла» с целой сетью промежуточных станций и морских портов. Благодаря тому, что в Бохае сохранилась этническая когурёская знать, она в 918 г. смогла создать новое корейское государство Корё (918—1392).

Ключевые слова: Дальний Восток, Приморье, Бохай, мохэ, Когурё, Силла, торговые и культурные связи.

The Bohai State and Medieval Korea.

Ernst Shavkunov, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

The Bohai State (698—926) was formed by the Mohe tribes. It included the lands of the Goguryeo state as well as part of the Goguryeo population. This encouraged the Bohai people to exploit the material and cultural potential of the Goguryeo

people. The Goguryeo artisans came to Bohai and enriched the Bohai people with many elements of their culture in farming, warfare, and pottery. Thanks to the Goguryeo people, Buddhism quickly spread among the Bohai nobility. Indirectly, Bohai contributed to the preservation of the independent Silla state on the Korean peninsula — China tried to conquer that state, but the Bohai people, in alliance with the Second Eastern Turkic Khaganate, inflicted a series of defeats on China. After that, China considered it reasonable to have Silla as an ally against Bohai. This later contributed to the unification of the majority of the Korean population on the peninsula under Silla rule. Bohai developed mutually beneficial trade relations with Silla. There is evidence in written records of the special “Road to Silla” in Bohai with a network of intermediate stations and seaports. Thanks to the preservation of the ethnic Goguryeo nobility in Bohai, they were able to establish a new Korean state of Goryeo in 918 (918—1392).

Keywords: Far East, Primorye, Bohai, Mohe, Goguryeo, Silla, trade and cultural relations.

История государства Бохай (698—926), созданного тунгусоязычными племенами мукри, иначе мохэ, при участии выходцев из уничтоженного в 668 г. Китаем государства Когурё, неразрывно связана с историей средневековой Кореи. В связи со сказанным нелишне отметить, что ещё в глубокой древности племена, обитавшие к северу от Корейского полуострова, постоянно находились в мирных контактах и связях не только с соседним с ними государством Когурё, но также с довольно отдалёнными от них тоже древнекорейскими государствами Пэкчэ и Силла. Когда же Китай в союзе с Силла развязал войну против Когурё и Пэкчэ, многие племена мукри выступили на стороне Когурё, проявив в сражениях с китайскими войсками чудеса стойкости и отваги, за что особо отличившиеся родоплеменные предводители мукрийцев, в том числе и основатель государства Бохай Цзожун, были удостоены когурёских воинских званий и чинов. Всё это положительным образом отразилось как на прогрессе материальной культуры мукрийцев, так и на развитии у них раннеклассовых отношений.

Перечисленные выше факты подвергнуты некоторыми корейскими историками соответствующей интерпретации, направленной на аргументацию разработанной ими концепции, согласно которой Бохай — это не что иное, как восстановленное под другим названием государство Когурё¹. В своё время эта концепция уже была подвергнута критическому анализу², в связи с чем нет необходимости вновь возвращаться к разбору данного вопроса. Вместе с тем, отнюдь не отрицая позитивного вклада когурёсцев в становление и развитие Бохая и его культуры, необходимо отметить, что и Бохай, в свою очередь, сыграл весьма положительную роль в истории средневековой Кореи.

В чём же конкретно находит своё отражение эта положительная роль Бохая?

Как известно, после разгрома Китаем государства Когурё многие его жители вынуждены были искать себе прибежище у мукрийцев, вместе с которыми когурёсцы вскоре приняли участие в отражении начавшейся вслед за этим агрессии Китая против мукрийцев. В ходе вооружённой борьбы за независимость большинство мукрийских племён консолидируются в рамках созданного ими в 698 г. государства Чжэнь, которое в союзе с тюрками наносит Китаю сокрушительное поражение и присоединяет к себе оккупированную китайцами территорию бывшего государства Когурё³. Наряду с этим мукрийцы захватили на какое-то время китайский округ Бохай, именем которого впоследствии стало называться их государство⁴.

Присоединив к себе владения бывшего государства Когурё, правители Бохая в соответствии с утвердившейся у них практикой⁵ поставили во главе местных администраций чиновников из числа когурёской знати. Благодаря этому когурёсцам удалось сохранить свою этническую целостность, а впоследствии, сконсолидовавшись, отделиться от Бохая и образовать собственное государство, получившее название Корё (918—1392), что является сокращённым названием Когурё. Здесь уместно будет задаться вопросом, почему, если, допустим, Бохай был создан когурёсцами, они тогда же не назвали его Корё, а сделали это спустя лишь два с половиной столетия? Ответ на этот вопрос может быть только один: этот факт лишний раз свидетельствует о том, что Бохай создан не когурёсцами, а мукрийцами.

Таким образом, Бохай, хотя и косвенно, сыграл огромную роль в образовании государства Корё, которому впервые удалось объединить под своей эгидой территорию всего Корейского полуострова.

Включение в состав Бохая территории бывшего государства Когурё вместе с проживавшим там населением позволило Бохаю широко использовать технико-технологический, материальный и культурный потенциал когурёсцев. Нет необходимости доказывать, что нарождающаяся бохайская знать, чиновничество, военачальники и армия в целом остро нуждались в соответствующей их социальному положению престижновластной атрибутике, в вооружении и различного рода предметах повседневного обихода, изготовление которых, да ещё в массовом количестве, предполагает развитую систему ремесленных производств и большое число ремесленников-профессионалов. Не располагая на первых порах собственной производственной базой и кадрами ремесленников, правящие круги Бохая привлекли для этих целей когурёских ремесленников, благодаря которым достоянием бохайцев стали многие элементы материальной культуры когурёсцев.

К числу таких элементов следует прежде всего отнести многие виды керамических сосудов, в том числе корчаги с горизонтальными широко-ленточными ручками, встречающимися буквально на всех бохайских памятниках. Обнаруженный во время раскопок на Корсаковском селище

в Уссурийском районе чугунный сошник⁶ полностью тождествен когурёским. Здесь уместно отметить, что сошники когурёского типа помимо бохайцев использовались и пришедшими им на смену чжурчжэнями, а ареал их распространения в VII—XIII вв. охватывал территорию Северной Кореи, юго-восточной и восточной части бывшей Маньчжурии и юг Приморского края. От когурёсцев бохайцы заимствовали и конструкцию ножной крупорушки, о чём свидетельствуют находки на бохайских памятниках аналогичных когурёским каменных ступ⁷ и каменных пестов к ним. Немало аналогий имеется между бохайскими и когурёскими железными наконечниками стрел⁸.

Судя по всему, распространению буддизма в Бохае способствовали опять-таки когурёсцы. В пользу такого предположения говорят следующие факты. Во-первых, на датируемой первой половиной VIII в. н.э. Копытинской кумирне, расположенной на вершине сопки Копыто вблизи с. Кроуновка Уссурийского района, обнаружены концевые диски верхней черепицы, декор которых⁹ идентичен декору на когурёских концевых дисках черепицы из Омэри в Северной Корее. Во-вторых, необходимо учитывать то обстоятельство, что приверженцами буддизма в Бохае были главным образом представители высшей знати, чиновники и когурёсцы, тогда как основная масса бохайцев мукрийского происхождения исповедовала шаманизм¹⁰.

В связи со сказанным становится понятным, почему буддийские культовые сооружения встречаются либо на месте или вблизи остатков административных центров Бохая, где, кстати, проживало немало когурёских чиновников и ремесленников, либо же в районах, примыкавших к территории бывшего государства Когурё, где также находилось немало когурёских поселенцев.

Косвенным образом Бохай способствовал сохранению политической и этнической целостности Силла. Дело в том, что Китай, начиная войну против Когурё и Пэкчэ, ставил перед собой далеко идущие планы по захвату всего Корейского полуострова. Когурё в то время было наиболее могущественным государством, в связи с чем китайцы поставили перед собой в качестве первоочередной задачи покорение прежде всего этого государства. Действуя в соответствии с издавна применяемой им тактикой «с помощью варваров покоряй варваров», Китай решил привлечь для этого в качестве союзника государство Силла. В дальнейшем же, после разгрома Когурё и Пэкчэ, Китай предпринял неудачную попытку завоевать и Силла. Поражение, нанесённое Силла китайским войскам в первых же сражениях, вряд ли могло остановить Китай в его стремлении завоевать Силла. Однако усилившаяся во второй половине VII в. военно-политическая активизация Второго Восточно-тюркского каганата, а затем появление на политической арене мукрийского государства Чжэнь, которое в союзе с тюрками нанесло Китаю ряд весьма чувствительных поражений, вынудили последний отказаться от задуманной акции в отношении Силла.

Более того, в сложившейся ситуации Китай счёл благоразумным использовать Силла в качестве союзника в борьбе против Бохая, что, надо признать, ему удалось осуществить.

С восшествием на бохайский престол Циньмао (737—794 гг.) отношения между Бохаем и Китаем наконец нормализовались. Что касается Силла, то нормализация отношений с ним, скорее всего, произошла во время прибытия в 790 г. в Бохай силланского посольства во главе с ильгильханом Пэко. Следующее силланское посольство во главе с кыпчханом Сунчжоном было отправлено в Бохай осенью 812 г.¹¹ Одним из последствий этих посольств было налаживание торговых, а через них и культурных связей между обоими государствами. К сожалению, письменные источники почти не содержат фактических данных, которые позволили бы судить, насколько интенсивными стали связи между Бохаем и Силла. Правда, в них содержится свидетельство о существовании в Бохае «Дороги в Силла» с целой сетью промежуточных станций, призванных обслуживать посольские и купеческие караваны. Из этого факта можно заключить, что связи бохайцев с силланцами были настолько интенсивными и выгодными, что это побудило Бохай пойти на определённые материальные затраты для создания соответствующим образом обустроенной «Дороги в Силла».

Своё начало «Дорога в Силла» брала как из приграничных с Силла населённых пунктов области Наньхай, включавшей в себя современную территорию Северной Кореи, административный центр которой являлся одновременно Южной столицей Бохая, так и из Восточной столицы Бохая Лунюань. Отсюда, судя по всему, «Дорога в Силла» шла в направлении к морскому порту Яньчжоу, т.е. к современному Краскинскому городищу в Хасанском районе¹², а затем уже по морю проходила вдоль восточного побережья Северной Кореи до силланского порта Чхончжон (современный Тогвон). Вдоль всего маршрута «Дороги в Силла» имелось 39 промежуточных станций¹³, а точнее — морских портов, где бохайские корабли могли остановиться на ночёвку, укрыться от шторма, пополнить запасы пресной воды, продуктов питания и топлива, а в случае необходимости произвести ремонт или замену пришедшего в негодность корабельного оборудования.

О существовании торговых связей между Бохаем и Силла свидетельствует и археологический материал, правда, пока ещё не очень многочисленный. К нему в первую очередь следует отнести обнаруженные на Абрикосовском селище в Уссурийском районе фрагменты от одного керамического станкового сосуда горшковидной формы тёмно-серого цвета. Его высота равна примерно 15—16 см, диаметр доньшка — около 11 см, диаметр венчика — 10 см, а наибольший диаметр тулова в районе плечиков — около 18,5 см. На плечике сосуда нанесён неглубокий желобок шириной 1,1 см, декорированный вертикальными лощёными линиями. Само же тулово сосуда декорировано вертикальными бороздками,

или каннелюрами, которые начинаются непосредственно от упомянутого выше желобка и заканчиваются вблизи придонной части. Заключённое между бороздками пространство имеет слабо выпуклую поверхность, и всё это напоминает собой нечто вроде долек очищенного мандарина, что позволяет отнести этот сосуд к разряду дольчатых. Верхние и нижние части некоторых «док» декорированы циркульным орнаментом.

Это пока единственный из обнаруженных на бохайских памятниках Приморья сосуд подобного рода. В то же время декорированные подобным образом керамические сосуды сравнительно часто встречаются на силланских памятниках Южной Кореи¹⁴, из чего можно заключить, что сосуд из Абрикосовского селища имеет силланское происхождение или, во всяком случае, сделан бохайцами в подражание силланской посуде.

Как известно, при строительстве различных храмовых и дворцовых комплексов в средневековых странах Дальнего Востока применялись облицовочные кирпичи, декорированные стилизованным изображением цветка лотоса в сочетании с растительным орнаментом. Обнаруженные при раскопках остатков Верхней столицы Бохая в Дунцзинчэне облицовочные кирпичи имеют декор¹⁵, который по стилю исполнения больше всего соотносится с декором на некоторых концевых дисках силланской верхней черепицы¹⁶. Не исключено, что этот декор был заимствован бохайцами у силланцев.

Следует также упомянуть бронзовое зеркало, обнаруженное в погребении № 10 бохайского могильника вблизи Бэйда уезда Хэлун пров. Гирина Северо-Восточного Китая¹⁷, которое одни исследователи, основываясь на том, что аналогичное зеркало найдено в одной из могил периода династии Тан на территории Китая, считают китайским по происхождению¹⁸, а другие — бохайским¹⁹. Между тем имеющийся на тыльной стороне этого зеркала декор находит ближайшую себе аналогию среди декоров на силланских концевых дисках верхней черепицы²⁰ и облицовочных кирпичах²¹. Это даёт основание считать, что зеркала с подобным декором отличались в Силла, откуда они экспортировались как в Китай, так и в Бохай.

В заключение остаётся отметить, что после гибели государства Бохай многие его жители, прежде всего из числа знати, спасаясь от киданей, бежали в Корё, где нашли дружественный приём. И вполне допустимо, что бохайские переселенцы внесли определённую лепту в дальнейшее развитие и укрепление культурного и военно-политического потенциала недавно образованного Корейского государства.

Таким образом, как это можно заключить из изложенного выше, Бохай сыграл исключительно важную роль в истории Кореи, косвенно, а иногда и напрямую содействуя её этнополитической и этнокультурной целостности и самостоятельности. Вместе с тем средневековые государства Корейского полуострова, главным образом Когурё, также оказали заметное влияние на культуру и экономику Бохая. Всё это и даёт основание говорить о тесной взаимосвязи истории Бохая и государств средневековой Кореи.

- ¹ Song Ki-ho. Several Questions in Studies of the History of Palhae // Korea Journal. 1990. Vol. 30. No. 6. P. 5—7; Сон Ен Чжон, Пак Ен Хэ, Ким Ен Ган. Очерк корейской истории. Кн. 1. Пхеньян: Изд-во литературы на иностранных языках, 1992. С. 105, 110—111; Ким Мен Сон. Пальхэ — наследник Когурё // Корея сегодня. 1992. № 11. С. 42, 46, 48.
- ² Шавкунов Э.В. С объективных позиций. Бохай в трудах корейских исследователей (по публикациям Сон Ки Хо, Республика Корея) // Россия и АТР. 1992. № 2. С. 70—80; Шавкунов Э.В. О зарубежных концепциях истории Бохая // Вестник ДВО РАН. 1993. № 1. С. 88—94.
- ³ Шавкунов Э.В. Бохай в судьбах народов Восточной Азии // Вестник ДВО РАН. 1995. № 4. С. 115—116.
- ⁴ Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968. С. 47.
- ⁵ Там же. С. 65, 71.
- ⁶ Государство Бохай (698—926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М., 1994. С. 92—94.
- ⁷ Там же. С. 95.
- ⁸ Семениченко Л.Е. Характеристика наконечников стрел Приморья VIII—XX вв. // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. Владивосток, 1976. С. 104, 106, 108.
- ⁹ Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968. Табл. X.
- ¹⁰ Шавкунов Э.В. О шаманстве бохайцев // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. Владивосток, 1994. С. 48—56; Шавкунов Э.В. Уникальный держатель от кресала из Марьяновского городища // Вестник ДВО РАН. 1996. № 2. С. 71—74.
- ¹¹ Ким Бусик. Самкук саги. Летописи Силла. М., 1959. С. 244, 252.
- ¹² Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968. С. 59.
- ¹³ Song Ki-ho. Several Questions in Studies of the History of Palhae // Korea Journal. 1990. Vol. 30. No. 6. P. 9.
- ¹⁴ National Museum of Korea. Seoul, 1991. P. 67, fig. 16, P. 68, fig. 17.
- ¹⁵ Tung-ching-cheng. Report on the Excavations of the Site of Capital of P'o-hai // Archaeological Orientalis. Ser. A. Vol. V. Tokyo, 1939. Table. 82—83.
- ¹⁶ Kyongju National Museum. Seoul, 1992. P. 43, fig. 71.
- ¹⁷ Хэлун Бэйда Бохай муцзан цинли цзянь бао = Краткое сообщение о приведении в порядок бохайского могильника в местности Бэйда уезда Хэлун // Дунбэй каогу юй лиши. 1982. № 1. С. 205, рис. 8, фиг. 10; Чжан Ин. Цзилинь чуту тун цзин = Бронзовые зеркала, обнаруженные в пров. Гирин. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1990. Рис. 21.
- ¹⁸ Хэлун Бэйда Бохай муцзан цинли цзянь бао = Краткое сообщение о приведении в порядок бохайского могильника в местности Бэйда уезда Хэлун // Дунбэй каогу юй лиши. 1982. № 1. С. 208.
- ¹⁹ Чжан Ин. Цзилинь чуту тун цзин = Бронзовые зеркала, обнаруженные в пров. Гирин. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1990. С. 160, № 21.
- ²⁰ Kyongju National Museum. Seoul, 1992. P. 48, fig. 72.
- ²¹ Там же. P. 48, fig. 83; National Museum of Korea. Seoul, 1991. P. 68, fig. 18; Ewha Centennial Museum. Catalog for the Grand Opening 1990. Seoul: Ewha Women University Museum, 1990. P. 45, fig. 45.